

НОЧЬ ПЕРЕД СОЧИНЕНИЕМ

Александр Галяс

«Ничто не меняется так быстро, как прошлое», — сказал мудрец. И с этим трудно не согласиться. Память человека — избирательна, но еще более избирательна общественная память. Кто, кроме историков либо фанатов, помнит имена бывших первых секретарей обкомов, милицейских начальников или даже артистов, некогда вызывавших поклонение, а затем (за нечестным исключением), «списанных в тираж»?! Это в равной степени относится как к людям, так и к событиям. Об одном из них и пойдет речь...

Эта история давно и прочно забыта. Во всяком случае, мои ровесники и люди более старшего возраста очень удивляются, когда я вспоминаю о ней. Некоторым даже, кажется, будто я ее выдумал. Но, уверяю вас, я полностью отвечаю за описание того, что происходило на одесском Приморском бульваре вечером 31 мая 1969 года.

Когда я готовил этот очерк, на глаза попался Лунный гороскоп. «Хохмы ради» решил поинтересоваться, каков был характер того майского дня. И какое же было мое изумление, когда обнаружилось, что это 15-й лунный день, «период плотских искушений и астральных битв, когда активизируется внутренний змей каждого человека, увеличивается кровоточивость ран, обостряются душевные расстройства, появляется избыточная импульсивность в общении, повышается тяга к негативному мышлению и употреблению алкоголя». Люди становятся излишне суеверными и крайне возбудимыми. В обществе растет недопонимание, значительно учащаются конфликты и ссоры».

Если бы тогда, более полувека назад, я имел хоть малейшее представление об этом прогнозе, кто знает, может, и не рискнул бы поздним вечером отправиться на Приморский бульвар. Но, с другой стороны, тогда бы я не смог стать очевидцем гибели одной из самых занятных и оригинальных традиций в истории нашего города...

Как известно, 1 июня каждого года отмечается Международный день защиты детей. Но для десятиклассников всех школ Советского Союза этот день был далеко не праздничным, скорее, наоборот. Ибо в послевоенные времена именно 1 июня приходилось писать выпускное сочинение. В Одессе же накануне, 31 мая, выпускники собирались на Приморском бульваре у знаменитого памятника ДЮКу (герцогу де Ришелье), в надежде узнать от него темы сочинений. Моя мама утверждала, что эта традиция родилась в 1939 году, как раз тогда, когда она оканчивала школу. А поскольку мама обладала феноменальной учительской памятью — могла, к примеру, без ошибки перечислить весь состав класса, в котором преподавала четверть века назад, или описывала с подробностями нра-

ДЮК готовится одеть тельняшку

вы и обычай довоенной школы, — то ее «свидетельским показаниям» об эпохе я вполне доверяю.

Другое дело, что совершенно непонятно, (а сейчас уже и не выяснишь), кому могла притянуть в голову эта бесшабашная идея, и каким образом она «овладела массами». А если подумать, какое время стояло на дворе (конец 1930-х), так вообще поражаешься: куда, например, смотрело НКВД, как допустило подобную «самодействительность масс», почему ничего не было слышно о последующих репрессиях?! Впрочем, слушая рассказы тех, чье молодость пришлась на 1930-е, я неоднократно убеждался, что молодежь эпохи «великого террора» уж никак не была «затурканной» и запуганной (а иначе как бы выдержали такую страшную войну?)!

Взять хотя бы историю, о которой поведала мне Лидия Гладкая, секретарь ЦК комсомола Украины конца 1940-х и «главный идеолог» Одесского обкома партии 1960-х годов (отмечу в скобках, быть может, самый популярный партийный работник нашего города за весь советский период). Так вот Лидия Всеволодовна рассказывала, как в те самые страшные 1930-е студенты вузов, в которых она училась, дабы не носить все время за собою чернильницы — «непроливашки» (напомню, что авторучек в ту пору наши гражда-

не практически не знали), прятали их в... бюсте Сталина. Лет пять лагерей за это дело можно было схлопотать, но никому не пришло в голову, бежать в партком и доносить на товарищей.

Но это, так сказать, к слову — детали эпохи, а факт нашей темы остается фактом: родившись в предвоенную пору, идея посещать бульвар ДЮКа вечером перед выпускным сочинением превратилась в одну из самых уникальных одесских традиций. Хотя вроде бы нечто подобное существовало в Москве, где собирались у памятника Пушкину. В Одессе же выпускники мореходного училища, что на улице Канатной, напаливали на памятник ДЮКу тельняшку-«рибчик», что было непросто, если учесть, что правая рука Армана Эмманюэля дю Плесси вытянута в сторону. Но это были просто веселые сбираца, без каких-либо меркантильных целей, в отличие от школьной традиции.

И, надо сказать, что, по уверениям выпускников 1940-50-х годов, ДЮК достаточно исправно исполнял свои «неформальные» функции: снабжал темами выпускных сочинений всех стражущих вне зависимости от уровня знаний и дальнейших жизненных притязаний. Каким образом в руки нашего памятника попадали строго засекреченные документы, попавшие в отделы народного обра-

зования из Киева в запечатанных конвертах, которые полагались вскрывать именно 1 июня и ровно в 9 часов вечера в присутствии учителей и представителей района, история до сих пор умалчивает. Ходили слухи, что этим занимались люди из горотдела народного образования, но никто и никогда эти слухи не пытались ни проверить, ни опровергнуть; ибо какое имело значение КТО, когда важно было иное — успеть хотя бы за ночь настроить шпаргалку.

До конца 1950-х достоверность полученной от ДЮКа информации была практически спорной; так, по крайней мере, утверждали выпускники тех лет. При этом ДЮК передавал свою поистине бесценные сведения совершенно безвозмездно. Однако в 1960-х по каким-то, опять-таки, неведомым причинам он стал «халтуриТЬ», и далеко не всегда выданые им темы совпадали с реальными. И это несмотря на то, что стихийно совершился переход к «торварно-денежным отношениям»: народ стал сбрасываться и вручал ДЮКу некую сумму. И хотя каждый давал немного — от 10 копеек до рубля — но, если учесть, что выпускников набиралось несколько сотен, то и деньги ДЮК получал приличные (опять же, никто не знает, в чьи руки они попадали и на какие цели использовались). Помимо, как один из маминых учеников, который оканчивал школу где-то в 1964-м или 1965-м году, жаловался ей: «Мыслю (т. е. ДЮКу) дали две тычины в одну руку, бутылку шампанского — в другую, а он все равно обманул!».

А мой сотовщик по Одесскому институту народного хозяйства и команде КВН того же вуза Саша Коровин, со слов своего брата, который приходил к ДЮКу двумя годами раньше, утверждал, что возле памятника шла бойкая торговля шпаргалками («шпорами») — в гармошку, в стопочку, как колода карт и т. п. Причем торговали не только сочинениями, особенно популярными были «шпоры» по математике...

Тем не менее, традиция собираться у ДЮКа в ночь накануне сочинения сохранилась, нося уже совершенно ритуальный характер...

А теперь — ближе к делу.

Итак, 31 мая 1969 года, автор этих строк, обычный десятиклассник обычной одесской школы, с замиранием сердца (не столько от надежды узнать темы сочинений, сколько от волнения перед завтрашим испытанием) подходил к Приморскому бульвару. Хотя время уже было где-то девять вечера, пространство перед Потемкинской лестницей, где стоял памятник, было забито; упаста там не могло не то что яблоко, но, наверное, и иголка. Знающие люди утверждали впоследствии, что в тот год народу было много, как никогда, тем более, что данный ритуал привлекал внимание не только выпускников...

Возможно, это и стало причиной последующих событий.

Людмила Александровна Биолин и Василий Терентьевич Галяс

Лидия Всеволодовна Гладкая

Вид на Дюка и полукруглые здания. 31 мая 1969 года
всё это пространство было заполнено людьми

Тут я позволю себе отвлечься от основной темы, чтобы совершил небольшой историко-психологический экскурс — на какой раз, в 1960-е годы.

Нынешние молодые люди, исходя из ритмов музыки и слов тех песен, которые нравились нашему поколению, могут прийти к выводу, будто их «предки» были чуть ли не «пай-детками». Откровенно говоря, сейчас мне и самому порою кажется удивительным, как мы могли «балдеть» от какой-нибудь «Лады» или «Чертилова колеса». Тем не менее, подростки во все века и времена ведут себя одинаково — разинца только в ритмах. Я прекрасно помню, как в 1968 году в зале Одесской филармонии на концерте Вадима Мурлермана эз, стоя, балдел от «Последней электрички», а в проходе танцевал знаменитый в ту пору «городской сумасшедший» Яник. Да о чём говорить, если примерно десять лет спустя после концерта ансамбля «Песняры» из Зеленого театра в парке Шевченко вываливалася толпа в несколько десятков человек, скандируя: «Песняры» — молодцы!, и двинулась по направлению к центру города с такими волнями, что милиционерам удалось рассеять ее только на углу Дерибасовской и Преображенской. Попробуйте послушать нынче записи «Песняров» тех лет и сами наверняка удивитесь: как можно было приходить в неистовство от «Волгограда» или «Косы Ясь коношину»?! Но ведь было: из песен не выкинуло не только слов, но и зрительских реакций своего времени...

Да, воспитание в те годы было более строгим и даже, в известной степени, пуританским (по сравнению с нынешним), но страсти в юных душах и тогда бушевали нешуточные, а выпивали и в ту пору немало. И порою это внутреннее напряжение, подогретое, как правило, алкоголем, вырывалось наружу, принимая уродливые формы. Чуть и произошло последней маиской ночью 1969 года на Приморском бульваре города-героя Одессы...

Но поначалу ничего даже отдаленно не предвещало «бури». Часов до десяти — половины одиннадцатого все слонялись по бульвару туда-сюда без всякой цели. Тогда еще мы не знали понятия «тусовка», но это было именно то, что понимается нынче под этим словом. Складывалось впечатление, что люди попросту забыли, с какой целью пришли они к ДЮКу и каждый занимался тем, чем мог: как говорится, «в меру собственной испорченности». Над головой витал стойкий дух алкоголя (о наркотиках тогда большинство молодых людей знало только из статей и передач, разоблачающих «их нравы»).

Но ведь хорошо известно, что если массу людей не занять каким-либо полезной деятельностью, она непременно отщетит себе занятие «вредное». Тем более это правило справедливо по отношению к толпе молодежи. Оно сработало и на этот раз. Около одиннадцати часов вечера началось какое-то странное «шебуршение». Погляв, будто что-то происходит, все поспешили поближе к памятнику. Задние напирали на передних, передние отбивались, как могли. Приморский воздух заполнила «непереводимая игра слов» (единственное, наверное, явление

в мировой словесности, когда для оценки языковых конструкций используется сравнение с этажностью домов). К тому времени уже стало темно и большинству собравшихся приходилось довольствоваться слухами, передаваемыми с «переднего края». Мне издалека видно было только, что на памятник залезли нескользко человек, расхристанных и пьяных, они стояли в обнимку с ДЮКом и волили нечто нечленораздельное. Стоявшие впереди дрожали потом, что на памятник затаскивали голых девушек; как утверждают уже упоминавшийся мной ровесник Саша Коровкин, такое действительно имело место, но только «в единственном числе», с какой-то девушке стянули трусы по ходу ее вскарабкивания наверх.

Стало очевидно, что толпа превращается в неуправляемое стадо и может случиться все, что угодно. Поэтому я поспешил выбраться из толпы подобру-поздорову, и уже поодаль наблюдал, как с двух сторон — от Пушкинской и Екатерининской — подъехала не менее полутора сотни милицийских машин и «стражи порядка» пронялись хватать и забрасывать в свои «воронки» наиболее шумных и нетрезвых. Таковых — на глазок — набралось десятка два. Всем прочим милиционеры советовали разойтись по домам. И вскоре толпа стала рассасываться, скбегая вниз по Потемкинской или уходя в сторону Тёщиного моста.

Я ушел одним из первых. Стало ясно, что ничего «интересного» уже не случится, к тому же я твердо решил, что в любом случае выберу на экзамене «вольную тему», а уж цитат «о Партии и о Родине» голове накопилось великое множество. Так оно, кстати говоря, и произошло: исписав чуть ли не всю тетрадь патриотическими лозунгами, я честно заработал свою «пятерку»...

История эта имела, однако, продолжение. Весьма неожиданное и для нас, одесских выпускников 1969 года, довольно-таки печальное. Рано утром «вражеские голоса» (Би-Би-Си, «Голос Америки» и про-

Вход в гостиницу «Лондонская» на Приморском бульваре, в 1969 году она называлась «Одесса»

изированно. Что, согласитесь, как-то не очень увлекательно...

Вот так превратилась одна из самых оригинальных одесских традиций. Да так, что почти никто уже об этом и не помнит. А жаль! Ведь да эта история — мизерная «точка зрения» венности и на фоне грандиозных катализмов, которые довелись пережить нашему городу, — доказывает лишний раз уникальность части земного пространства, получившего некогда дивное имя — Одесса.

P.S. После того, как я напомнил в Фейсбуке об этой истории, мой коллега Валентина Михайлова написала, что все это произошло не случайно, а имела место провокация «с участием "титушек" образца 69-го».

«Там были не пьяные уроды, а чужие уроды, отнюдь не школьники и не студенты. И не пьяные. Подыгравшие, да. Очень агрессивные и хорошо организующиеся. Это их усилиями стали создаваться коридоры, по которым протаскивали, лаяли, девушек. Было очень хорошо видно, как в бронзовом движении стали появляться эти коридоры, создаваемые бандитского вида пачанами, которые объединялись, сцепляясь локтями. Стало противно, агрессивно, и мы ушли задолго до основных событий».

По ее мнению, «Голосу» была нужна «протестная картина»... Версия, как говорится, имеет право на жизнь. Хотя, как по мне, «конспирологией» тут и не пахнет.

Давайте порассуждаем. Чтобы «бандитского вида пачаны» объединялись, создавая коридоры, нужна соответствующая подготовка. Найти таких пачанов (судя по всему, не один десяток), провести с ними тренировки, убедить, что им за это «ничего не будет», наконец, укрыть после акции... И сделать это так, чтобы остаться вне поля зрения милиции и КГБ.

Кто в те годы на такое был способен? Иностранная агентура? Ну это даже не смешно. Конечно, возникает вопрос: почему же о «молодежных беспорядках» в Одессе так быстро сообщили «вражеские голоса»? Ответ простой: иностранцы, проживавшие в гостинице «Лондонская» (тогда она называлась «Одесса»), не могли не обратить внимания на то, что происходит рядом с их отелем. И почти наверняка кто-то из них (а, скорее всего, не один человек) мог позвонить домой, поделиться такой сногсшибающей новостью, благо телефонная связь с заграницей в этом отеле была доступной...

Но лучшим опровергением «конспирологической» версии служит тот факт, что после этой истории вся партийная и правоохранительная верхушка города и области осталась на своих местах. Просто жизнь изобилует такими поворотами, по сравнению с которыми меркнут самые изощренные «ходы» самых знаменитых драматургов...

А сопоставив произшедшее с гороскопом, приведенным в самом начале данного «мемуара», поневоле задумашься: а, может, и в самом деле ничто не случайно под Луной?!

Соревнования по шахматам, Александр Галия за первым столом